

**ШЕЙХ БАТАЛ-ХАДЖИ БЕЛХАРОВЕВ И ЕГО ВИРД
В ВОСПОМИНАНИЯХ АНГЛИЙСКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА И ЖУРНАЛИСТА Д.Ф. БЭДДЛИ**

Ключевые слова: “зикристы”, сельский старшина, конфликт, кровная вражда, примирение, выкуп крови.

В работе рассматриваются обстоятельства встречи шейха Батал-Хаджи Белхароева и Д.Ф. Бэддли — английского путешественника, посещавшего Россию в конце XIX — начале XX столетий. Кроме того, на основе свидетельств местных жителей, также представленных в воспоминаниях Д.Ф. Бэддли, рассматриваются взаимоотношения батал-хаджинцев с другими представителями ингушского общества. Делается вывод о некотором противопоставлении братства и остального общества, в котором возникающие конфликты разрешались в порядке традиционного горского права.

DOI: 10.7868/S0869541518020070

Джон Фредерик Бэддли, часто и продолжительно посещавший Кавказ с 1879 по 1902 гг. (Казиев 2014: 19), имел личную встречу с шейхом Батал-Хаджи Белхароевым. Описание этой встречи, представленное в воспоминаниях английского путешественника, является одним из немногих непосредственных свидетельств о личности и нраве этого известного религиозного деятеля, имеющих в научной литературе. Также Д.Ф. Бэддли приводится описание конфликта, со слов одного из его непосредственных участников, между батал-хаджинцами и старшиной одного из ингушских селений, позволяющее уточнить некоторые аспекты взаимоотношений между членами этого братства и другими представителями ингушского общества. Кроме того, уточняются отдельные неточности фактического свойства, касающиеся встречи шейха и путешественника, допущенные в литературе.

Д.Ф. Бэддли встретился с шейхом Батал-Хаджи случайно, находясь в селении Мужичи в доме Хаджи-Маали Котиева, где он провел ночь с 7 на 8 октября 1901 г. Остановка в доме Хаджи-Маали также была незапланированной: выпавший обильный снег на перевале Архотис не позволил путешественнику “проехать Главный хребет до Тифлиса через области пшавов и тушин”, и, чтобы не возвращаться во Владикавказ уже пройденным путем (через Джейрахское ущелье), он вместе со своими проводниками решил следовать туда через теснину Цорх и Тарскую долину. Одним из этих проводников был сын Хаджи-Маали Котиева — Таги Котиев, который, по словам Д.Ф. Бэддли, “особенно склонялся к тому, чтобы мы повернули обратно”, имея скрытое намерение представить англичанина своему отцу, “что было бы невозможно, если бы мы перевалили Главный хребет, поскольку в этом случае нам пришлось бы возвращаться по Грузинской дороге” (Baddeley 1940a: 203, 241–242, 245, 256).

Факт этой встречи уже упоминался в литературе (Meskhidze 2006: 183), однако в этом упоминании имеется неточность: вместе с Таги Д.Ф. Бэддли в поездке по Горной

Ингушетии и Хевсуретии (как и во многих других поездках по Кавказу) сопровождал не “его знаменитый проводник, балкарский князь Урусбиев” (Там же), а старшина осетинского селения Саниба (ныне — Горная Саниба), “друг Таги” Урусби Фидаров, а также племянник Урусби Ислам (*Baddeley* 1940a: 16–17, 203, 223; *Kazuev* 2015: 32). Кроме того, из текста статьи Дж. Месхидзе остается неясным, о каком “балкарском князе Урусбиеве” вообще идет речь, а сам Д.Ф. Бэдли нигде в своих воспоминаниях не пишет о том, что в поездках по Кавказу у него был такой проводник (*Baddeley* 1940a, 1940b).

Следует сказать, что к началу XX столетия в Ингушетии уже закончился период “религиозного синкретизма”: большая часть населения стала исповедовать ислам, в том числе и суфийского толка кадирийского тариката, проповедовавший чеченским шейхом Кунта-Хаджи Кишиевым (*Албогачиева* 2007: 84). Батал-Хаджи Белхароев был одним из последователей Кунта-Хаджи — он возглавил, по непосредственному поручению этого шейха (*Албогачиева* 2011a: 8), один из *вирдов*, на которые разделилось в последней трети XIX столетия братство шейха Кунта-Хаджи после его ареста 3 января 1864 г. и высылки в с. Устюжино Новгородской губернии, где он скончался 19 мая 1867 г. (*Албогачиева* 2007: 91, 92, 94). Дж. Месхидзе описывает Батала-Хаджи как “единственного шейха-ингуша” (*Meskhidze* 2006: 182), но не уточняет источник, из которого она позаимствовала это утверждение, упоминая, однако, в том же абзаце шейха Хусейна-Хаджи Гарданова, который был родом из ныне покинутого селения Щечу-эхкие, располагавшегося на территории Сунженского р-на Республики Ингушетия (*Албогачиева* 2011b: 301, 304; *Сулейманов* 1978: 78), а также шейха Гайрбека-Хаджи Евлоева, проживавшего в селении Насыр-Корт (*Албогачиева* 2011b: 496). Оба эти шейха также были ингушами. Здесь не будет лишним отметить то, что род Белхарой, как и род Хусейна-Хаджи Гарданова, относился к орстойскому племени (*Сулейманов* 1978: 78), которое как в начале XIX (*Ахмадов* 2002: 230), так и в конце XX столетия (*Шнирельман* 2006: 373–374) рассматривалось в качестве самостоятельной локальной вайнахской народности.

Шейх Батал-Хаджи ко времени встречи с Д.Ф. Бэдли имел насыщенную биографию: он был абреком, в 1859 г. совершил трехгодичное паломничество к святым местам в Мекку и Медину (*Борусевич* 1893: 142; *Meskhidze* 2006: 182; *Белхароев* 2011: 6), побывал в своей первой ссылке в Козельске, куда он был выдворен в 1892 г. за “вредную религиозную агитацию”, состоящую в проповеди «запрещенного суфийского учения “Зикра” кадирийского толка», и вернулся из этой ссылки по амнистии в честь коронации императора Николая II в 1896 г. (*Лысцева* 2015: 38–39). В 1901 г. он проживал со своей многолетней семьей в селении Сурхахи, где поселился по непосредственному указанию шейха Кунта-Хаджи (*Албогачиева* 2011a: 8).

Утром 8 октября шейх Батал-Хаджи вместе с сопровождавшими его людьми подъехал к дому Хаджи-Маали, чтобы оттуда вместе с последним отправиться, как пишет Д.Ф. Бэдли, “навестить третьего Хаджи, который, насколько я понял, случайно подстрелил себя из пистолета и теперь лежал при смерти где-то неподалеку” (*Baddeley* 1940a: 267). Д.Ф. Бэдли описывает свою встречу с шейхом следующим образом:

...в 9:30 вдруг появились верховые, и посреди общего и, очевидно, приятного волнения к нам подъехал Батал-Хаджи, сопровождаемый своими четырьмя сыновьями и двумя фанатичными приверженцами, свирепо и диковато взглянувшими на меня и Урусби. Батал-Хаджи был пожилым человеком, довольно плотным, с правильным лицом и обходительными манерами. Узнав Урусби, который выразил ему свои соболезнования (по поводу недавней кончины жены. — К.Э.), он наклонился к нему, обнял и поцеловал его, в то время как у него самого на глазах выступили слезы. Со мной он поздоровался за руку, позволил себя сфотографировать и сказал, что будет рад меня видеть везде, где бы мы с ним ни повстречались (Там же: 266–267).

Заметим, что, говоря о недавней смерти жены шейха, пользовавшейся “большим почтением, чем любая другая ингушская женщина”, Д.Ф. Бэдли сообщает, что,

соболезнуя шейху Баталу-Хаджи, Хаджи-Маали “провел на днях ночь” в его доме (Там же: 264).

Сведения о Батале-Хаджи и батал-хаджинцах, представленные Д.Ф. Бэддли, не ограничиваются его личными впечатлениями от встречи с шейхом и сопровождавшими его людьми. Английский путешественник также приводит рассказ хозяина принимавшего его дома, Хаджи-Маали Котиева, о том, как тот вместе с Батал-Хаджи остановил разгоравшуюся кровную вражду между одной из семей ингушей-“зикристов” и ингушской семьей, не входящей в *вирд* шейха Батала-Хаджи. Сведения, содержащиеся в этом рассказе, помогут прояснить отношения между батал-хаджинцами и остальными жителями ингушских селений, оцениваемые в литературе крайне противоречиво: утверждается, что члены этого *вирда* либо вовсе были нетерпимы ко всем прочим ингушам, включая даже своих родственников, не являющихся членами их братства (*Борусевич* 1893: 139, 140), либо эти утверждения называются “по меньшей мере, неправдой”, а негативная оценка самих отношений представляется “искаженной” (*Meskhidze* 2006: 183, 190, прим. 20). Кроме того, представляется интересным рассмотреть конкретный случай примирения с непосредственным участием самого шейха, поскольку Батал-Хаджи славился как примиритель кровников, что всегда было трудной, а подчас и невыполнимой задачей (*Матиев* 2011: 57).

Как пишет Д.Ф. Бэддли со слов Таги Котиева, за два года до этой его поездки, т.е. в 1899 г., “был подкараулен и убит *зикристами*, последователями Батала-Хаджи, ингушский *староста*, очень известный человек по имени Инал, поскольку он отказался позволить их банде, изгнанной из его общины за дурное поведение, вернуться назад”. Брат Инала, оказавшийся вместе с ним, застрелил убийцу на месте. “Все вышло по справедливости – жизнь за жизнь, и никаких объявлений кровной мести впоследствии”. Однако другие родственники Инала, “разгневанные своей потерей, подстрелили и ранили еще одного *зикриста* во дворе его собственного дома, и, когда он умер, попытались преподнести это как следствие болезни, от которой тот знал, что страдает, но никак не ранения”. После этого в конфликт вмешались российские власти, “было проведено вскрытие”, и тело убитого “продержали для этих целей без присмотра в течение трех часов”. Такое обращение с телом “выглядело смертельным оскорблением в глазах туземцев и так возмутило *зикристов*, что они поклялись убить брата Инала, хотя лично он, как первый мститель, в глазах тех же туземцев выглядел безупречно”. Разгоревшуюся кровную вражду остановили Хаджи-Маали и шейх Батал-Хаджи, сумевшие “в почти безнадежных обстоятельствах добиться примирения” (*Baddeley* 1940a: 260).

По словам Хаджи-Маали, приводимым Д.Ф. Бэддли, он поступил “единственно возможным” образом – отправился “прямо к Баталу-Хаджи”, чтобы просить его стать своим названным братом. Батал-Хаджи охотно на это согласился “и послал за своей женой”, поскольку для совершения ритуала примирения Хаджи-Маали “следовало пососать ее грудь” (“взамен груди, возможно, уже умершей матери?” – как замечает Д.Ф. Бэддли), но он отказался совершить ритуал примирения в такой форме, “вежливо сказав” Баталу-Хаджи, что они оба были пожилыми людьми, и это было бы для них “неподобающим, хотя и по обычаю”. Вместо этого оба Хаджи “поклялись на Коране”. Однако для родственников убитого “зикриста” этого оказалось недостаточным, и еще на протяжении целого года Хаджи-Маали склонял их к примирению, “но гнев был так велик”, что на успех он не надеялся. “В конечном счете помог Батал-Хаджи”, благодаря которому

...было достигнуто соглашение, предполагавшее выплаты 310 руб. наличными деньгами, 3 лошадей, 3 коров, 3 баранов и еще 60 руб. в качестве возмещения вдове, которые ей следовало вручить при ее клятвенном согласии принять брата Инала как собственного сына... (который. – *К.Э.*) согласно обычаю, должен был отправиться на могилу убитого со скотом и лошадьми и ждть там, держа белый флаг и громко умоляя о прощении (Там же: 261).

Это и было им исполнено, “но семья убитого тут же запретила ему под угрозой смерти даже дотрагиваться до могилы [а распластаться на ней было обязательной частью исполнения обряда] до тех пор, пока все не было бы оговорено до последних подробностей”. По словам Хаджи-Маали, родственники убитого “зикриста” “три раза поклялись на Коране... никогда не простить” убийцу, но обоим Хаджи удалось убедить “мулу объявить эту клятву недействительной”. В завершение всего Хаджи-Маали “от себя предложил вдобавок еще одного коня с привязанным к его хвосту взрослым быком, вокруг рогов которого было намотано 10 *аршин* [8 ярдов] белого шелка, и еще взрослого барана, привязанного, в свою очередь, к хвосту быка” (Там же: 261). В итоге семья убитого “зикриста” была задобрена, обговоренное примирение состоялось, и на следующий день коня Хаджи-Маали вернули хозяину “в качестве подарка”, что, было, по его словам, “большой щедростью” (Там же: 262).

Для ингушей, у которых, по сведениям, приводимым тем же Д.Ф. Бэддли, “плата за кровь в это время составляла 310 руб. наличными деньгами”, прежде равняясь “12 коровам и трем лошадям, не считая 2 быков, резавшихся для примирительного пира” (Там же: 207); это были довольно высокие выплаты, не будучи, заметим, все же самыми высокими выплатами на Кавказе, о которых упоминает английский путешественник (Там же: 161–163, 179).

Впрочем, необходимо уточнить, что, согласно адатам вайнахских племен, сведения, относящиеся к обычаям, соблюдаемым при убийствах среди них, представляются до некоторой степени противоречивыми. С одной стороны, в их адатах утверждается обязательность кровомщения (*Леонтович* 1983: 115, 129), а с другой – говорится о возможности получить прощение, выполнив определенный обряд (Там же: 152), и даже о возможности для виновного рода “откупиться” путем уплаты своему “противнику известной суммы” при его на то согласии (Там же: 93). Так, за убийство мужчины, случившееся между кистинским и галгаевским обществами, полагалось заплатить 130 коров, а за убийство женщины – 90. После этого преступник освобождался от кровной мести (Там же: 119). В адатах, относящихся к обществам “чеченских” “надтеречных” и “надсунженских деревень”, также упоминается возможность примирения кровников при выплате пострадавшей стороне 630 рублей серебром, скотом или другими товарами (Там же: 121, 123, 133). Если считать одну корову за 5 рублей, как пишет о том А.Л. Зиссерман в середине XIX в. (*Зиссерман* 1879: 380) и Д.Ф. Бэддли в первые годы XX в. (*Baddeley* 1940a: 162), то как раз получается 126 коров, т.е. количество, почти равное выплатам за кровь между кистинами и галгаевцами. В чеченских обществах Нагорного округа Терской обл. (салатавском, ауховском, ичкеринском) убийство также, как и в других обществах, было в ведении адатного права и неизбежно влекло за собой кровомщение (*Леонтович* 1883: 125, 126, 129). Однако, “согласно с обычаем”, возможно было примирение между враждующими родами “по адату”, а в некоторых случаях, “с разрешения начальника области”, по адату могли решать дела и относительно самих убийц, обязанных при таком исходе “делать материальное удовлетворение за кровь родственникам убитого”. В случае несогласия одной из сторон на примирение, виновный высылался в Россию административным порядком (Там же: 129). Сумма выплат в ичкеринском обществе составляла те же 630 рублей серебром, у ауховцев – 100 рублей, а у жителей саладавского общества происходила “даром”, прежде составляя 100 верблюдов (Там же: 133). Также отмечается существование в “чеченских” адатах возможности для родственников убийцы получить свои деньги обратно, если после выкупа его крови он все же лишился жизни пострадавшей стороной (Там же: 93).

В сборнике адатов Ф.И. Леонтовича “кровная плата” за убийство в Ингушском округе 60-х годов XIX в. описывается уже как общая “*maximim* норма”, принятая между его “туземцами”, которые не подразделяются здесь на отдельные общества, как это было сделано в описании адатов по убийствам среди тех же “туземцев”, представленном

в том же сборнике под 40-ми годами XIX в. Эта полная кровная плата равнялась тем же 130 коровам (Там же: 148).

Следует понимать, что часть в 12 коров из упоминаемых Д.Ф. Бэддли выплат у ингушей (состоявших, кроме того, из 3 лошадей и 2 быков, резавшихся для “примирительного пира”), не могла являться материальной компенсацией, выплачиваемой виновной стороной стороне потерпевшей. В сборнике адатов Ф.И. Леонтовича эти коровы называются “похоронными” (инг. *хьелам*), и по их количеству различаются галгаевское общество (с назрановским и горским участками) и карабулакское (орстхойское). В первом было принято платить 12 “похоронных” коров, а во втором — всего три (как и в рассматриваемом случае), называемых “жертвой на саван”, но все они должны были быть тельными и стоить по 12–13 рублей каждая (*Леонтович* 1883: 148, 154). Платой в 12 обязательных “похоронных” коров обычаем покупал “человеку жизнь на один год”, как и в 40-е годы XIX столетия. Кроме того, как и в то время, если случалась “неустойка”, то возвращалась “только взысканная плата”. Не взыскивалась “похоронная плата” лишь за убийство кровника (Там же: 150). Случалось, что, кроме “12 похоронных коров за убийство”, с убийцы взыскивали еще “12 покровительственных коров за оказанное ему покровительство” (укрыватьство), и еще “по столько же за безчестие двора и за бесчестие тела”. Всего при таком раскладе выходило 48 коров (Там же: 151). Также говорится о возможности прощения, реализуемой теми же средствами, что и в 1840-е годы: его вымаливанием либо приобретением “молочного родства” с родом убитого (Там же: 152, 153). Ни о каких выплатах за кровь у карабулаков (орстхойцев) в их адатах речи не идет (Там же: 148–154). Заметим, что слово *хьелам* в ингушском языке означает “предварительную выплату части денег по кровной мести”, а также “плату за снятие осады” (*Бекова и др.* 2009: 788).

Кроме того, предоставленный Хаджи-Маали Котиевым потерпевшей стороне бык, на рога которого было намотано несколько аршин шелка, вероятнее всего, был платой за ранение умершего впоследствии “зикриста”, поскольку именно в такой форме (бык, на рога которого намотана материя), согласно адатам жителей Ингушского округа 60-х годов XIX столетия, она обычно предоставлялась в случае примирения сторон при нанесении увечья, состоящего в “раздроблении черепа”, или после совершенного насилия над пастухом во время угона стада; или после выстрелов “в стаде... с целью сопротивления хозяину” в момент воровства скота, как и за само воровство “из хутора или поля”. Оценивался такой бык с суконной материей на рогах в 15 рублей серебром (Там же: 162–163, 168, 180). Бык с 10 аршинами белого шелка, упоминаемый Д.Ф. Бэддли, стоил гораздо дороже.

Если, как о том пишет Д.Ф. Бэддли, в 1901 г. у соседних с ингушами осетин при выкупе крови стоимостью коня под седлом приравнивалась к 100 рублям серебром (*Baddeley* 1940a: 161–162), то выплаты семье убитого “зикриста” составили обычные для вайнахов шестьсот с лишним рублей, не считая компенсации в 60 рублей, выплаченной вдове убитого, скота для поминального пира, стоимости обустройства могилы, а также подарков, предоставленных Хаджи-Маали за вычетом его коня.

При отсутствии дополнительных сведений сложно сказать, чем закончилось это конкретное дело согласно российскому законодательству, поскольку, с одной стороны, русское правительство, введя на Кавказе систему военно-народного управления, которую в Терской и Кубанской областях в 1883 г. сменил военный режим, не допускало применение в народных судах, оставшихся от прежней системы, совершенно архаичных уголовных норм адата, приравняв к убийству при отягчающих обстоятельствах кровную месть; с другой стороны, вместо кровной мести в судах “со смешанной российско-адатно-шариатной юрисдикцией”, устанавливались выплаты денежных композиций “по адату при посредничестве сельских мулл и российских офицеров” (*Бобровников, Бабич* 2007: 194, 203), и также по адату могли решаться дела и относительно самих убийц (см. выше). Виновные же в убийстве, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.,

обычно наказывались лишением всех прав состояния и каторжными работами от пятнадцати до двадцати лет (*Бородин* 2003: 41).

Продолжая главную тему, можно сказать, что описываемый Д.Ф. Бэддли конфликт не является первым вооруженным конфликтом, вспыхнувшим между одним из ингушских сельских старшин и братством батал-хаджинцев и описанным в литературе. О еще более серьезном столкновении с десятками убитых и раненых рассказывает К.И. Боруевич (*Боруевич* 1893: 140–141). По мнению К. Деттмерина, возможными причинами конфликтов между братством шейха Батала-Хаджи и другими представителями ингушского общества были формальное в то время отношение ингушей к исламу и участие многих из них в языческих обрядах. В подтверждение этого тезиса он ссылается на рассматриваемые здесь воспоминания Д.Ф. Бэддли, в которых тот, по словам К. Деттмерина, утверждает, что Батал-Хаджи и его последователи “агитировали против этих обрядов и разрушали... языческие храмы” (*Деттмерин* 2011: 50). Не оспаривая тезис о неприятии язычества братством батал-хаджинцев, заметим, что, описывая руины храма Тхаба-ерда (а именно о нем идет речь в воспоминаниях англичанина), Д.Ф. Бэддли говорит лишь о том, что его разрушили “зикристы”, и не уточняет конкретный *вид*, а братство батал-хаджинцев было не единственным в Ингушетии (*Албогачиева* 2011в: 497; 2011г: 31–32). Для ясности процитируем самого Д.Ф. Бэддли:

...мы... добрались до беспорядочных развалин Хайраха, среди которых было то, что осталось от христианской (грузинской) церкви, известной по ее туземному названию как Тхаба-ерда... Это величественное строение, долгое время бывшее одним из лучше всего сохранившихся христианских памятников на Северном Кавказе, совсем недавно серьезно пострадало от разрушений, причиненных ему руками *зикристов*... К счастью, в 1886 г. профессор Всеволод Миллер тщательно исследовал это строение... Нарисованный от руки эскиз... призван показать то, каким скорым было разрушение, явившееся следствием мусульманского фанатизма, направленного не только против христианства, но и против язычества; поскольку в случае Тхаба-ерда, как и во многих других, туземное население веками связывало с ним целое скопище суеверных ритуалов и верований, в которых христианство играло совсем малую роль (*Baddeley* 1940a: 218–219).

Кроме приведенной истории о примирении кровников, Д.Ф. Бэддли пишет о том, что шейх Батал-Хаджи “являлся настоящим преемником Кунта-Хаджи, возглавлявшим восстание в Чечне в 1862–1864 гг.”, замечая, что “часть секты откололась от остальных, настаивая на том, что Кунта все еще был их вождем – не умершим и не ушедшим, но присутствовавшим среди них в духовной форме” (*Baddeley* 1940a: 264). Некоторыми последователями Кунта-Хаджи полагается, что этот шейх не оставил после себя преемника (*Албогачиев* 2011: 168) и он сам “явится вновь накануне Судного дня” (*Албогачиева* 2007: 92). Д.Ф. Бэддли характеризует “зикристов” как “крайних фанатиков”, которые “танцевали с громкими криками и в Мекке бывали биты шейхами за то, что слишком шумели” (*Baddeley* 1940a: 264). Вероятно, здесь имеется в виду практикуемый кадирийцами “громкий зикр – *джахр*, исполняемый в форме движения по кругу в такт ритмичной музыке и сопровождаемый особыми восклицаниями” (*Албогачиева* 2007: 88; 2011в).

По сведениям, представленным английским путешественником, “последователей Батала-Хаджи насчитывалось 100 семейств” (*Baddeley* 1940a: 264), что отмечалось в литературе (*Meskhidze* 2006: 183), “и они также были фанатиками, хотя и не совсем в той же степени, в какой ими были последователи Кунта-Хаджи” (*Baddeley* 1940a: 264). По свидетельству Хаджи-Маали, записанному Д.Ф. Бэддли и также приводимому в литературе (*Meskhidze* 2006: 183), батал-хаджинцы “могут дать тебе хлеба или воды, но выбросят все, что останется, собакам, и сами ни в коем случае не примут от тебя ни еды, ни питья; но сам Батал-Хаджи очень гостеприимен, и гостя он принимает хорошо, угощая его даже вином или *водкой* и сигаретами, хотя сам он, будучи хаджи, не курит и не пьет” (*Baddeley* 1940a: 264). Заметим, что своим мюридам шейх также запрещал употребление табака и алкоголя, находя их приносящими вред не только себе, но и окружающим (*Белхароев* 2011: 9).

О “широком гостеприимстве” шейха Батала-Хаджи также говорит и К.И. Борусевич, связывая это качество с “состоянием”, которым располагал шейх, и которое прирастало с 40–50 десятин земли посевной и с такой же площади земли сенокосной благодаря безвозмездному труду членов его братства (*Борусевич* 1893: 140). Такие же сведения приводит и Д.Ф. Бэддли, рассказывая о том, что “во время жатвы” последователи шейха Батала-Хаджи, “мужчины и женщины, делают всю работу за него, собираясь до двух сотен человек, чтобы чистить от листьев початки кукурузы и веять пшеницу” (*Baddeley* 1940a: 264).

Д.Ф. Бэддли также отмечает наличие у шейха Батала-Хаджи “полезного дара: узнавать заранее о приходе гостя, а также о том, какого рода этот гость – хлопотный или наоборот” (Там же). Другие сверхъестественные способности, приписываемые шейху Баталу-Хаджи и упоминаемые в литературе – такие как способность к быстрому перемещению в пространстве, способность быть невидимым, насыщать физические страдания на людей, отказавшихся быть его последователями (*Борусевич* 1893: 139), а также способность слышать издали просьбы своих мюридов, избавлять их от боли, способность совершать чудеса и дружить с джинами (*Meskhidze* 2006: 184) – Д.Ф. Бэддли не упоминаются. Что касается способности узнавать заранее о приходе гостя и о его характеристиках, то Д.Ф. Бэддли находит параллель этому в романе В. Скотта *Уэверли*, один из персонажей которого “предсказывал, посредством ясновидения, появление всякого нового гостя, будь тот другом или недругом” (*Baddeley* 1940a: 264 и прим. 3). Следует отметить, что, по свидетельству полковника А. Руновского, таким же даром обладал и имам Шамиль (*Дубровин* 1871: 522). Добавим, что совершение чудес шейхами (араб. *карама/карамат*) является известным мотивом в суфийской агиографии – жанра, широко распространенного том числе и в арабоязычной литературе Северо-Восточного Кавказа (*Мусаев, Шихалиев* 2011; 2012: 222).

Таким образом, можно утверждать, что сведения о шейхе кадирийского тариката Батале-Хаджи Белхароеве, содержащиеся в воспоминаниях Д.Ф. Бэддли и основанные на его личных впечатлениях от общения с шейхом, а также на впечатлениях людей, близко знавших самого шейха Батала-Хаджи и его последователей, в целом совпадают с характеристиками, приводимыми в других источниках того времени (*Борусевич* 1893). Однако на основании представленных Д.Ф. Бэддли сведений нельзя однозначно утверждать, что батал-хаджинцы находились со всем остальным ингушским обществом в жестком противостоянии, хотя они и “отличались строгой дисциплиной и воинственностью” (*Албогачева* 2007: 94). Вместе тем описанный Д.Ф. Бэддли случай кровной вражды между одной из семей “зикристов” и семьей старшины одного из ингушских селений не позволяет говорить о полном отсутствии всяких конфликтов с членами братства. Причина этой вражды, длительный срок, в течение которого происходило примирение сторон, авторитет посредников, одним из которых был сам шейх, максимальные для вайнахов выплаты за кровь убитого “зикриста”, а также порядок обращения членов братства с прочими людьми – все это позволяет утверждать, что братство батал-хаджинцев на рубеже XIX–XX столетий до некоторой степени все же противопоставляло себя остальному ингушскому обществу, а возникающие конфликты разрешались по нормам традиционного горского права.

Источники и материалы

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. II. СПб: Типография Суворина, 1879.

Леонтович 1883 – *Леонтович Ф.И.* Алаты кавказских горцев // *Материалы по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа*. Вып. II // *Записки Императорского Новороссийского университета*. Т. XXXVIII. Одесса: Типография П.А. Зеленого, 1883.

Baddeley 1940a – *Baddeley J.F.* *The Rugged Flanks of Caucasus*. Vol. I. L.: Humphrey Milford, 1940.

Baddeley 1940b – *Baddeley J.F.* *The Rugged Flanks of Caucasus*. Vol. II. L.: Humphrey Milford, 1940.

Научная литература

- Албогачиев Р.-Х. Ш.-Х.* Кадырийский тарикат: путь служения богу и очищения через зикр // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева. Магас; СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 165–172.
- Албогачиева М.С.-Г.* Ингуши в XX в.: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: традиционное сельское общество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения / Отв. ред. С.А. Штырков. СПб.: Наука, 2007. С. 75–129.
- Албогачиева М.С.-Г.* О некоторых особенностях братства Батал-Хаджи Белхароева // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2011а. С. 8–12.
- Албогачиева М.С.-Г.* Хусейн-Хаджи Гарданов – авлия из селения Плиево // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг.: этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, М.Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2011б. С. 301–305.
- Албогачиева М.С.-Г.* Особенности совершения зикра в Кадырийском *тарикате* на Северо-Восточном Кавказе // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг.: этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, М.Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2011в. С. 495–500.
- Албогачиева М.С.-Г.* Адепты Кунта-хаджи Кишиева: Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батал-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров и Вис-хаджи Загиев // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева. Магас; СПб.: МАЭ РАН, 2011 г. С. 28–36.
- Ахмадов Ш.Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: АПП Джангар, 2002.
- Бекова А.И., Дударов У.Б., Илиева Ф.М., Мальсагова Л.Д., Тариева Л.У.* Ингушко-русский словарь. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009.
- Белхароев Я.К.* Путь праведника // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева. Магас; СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 5–13.
- Бобровников В.О., Бабич И.Л.* (ред). Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Бородин С.В.* Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр-пресс, 2003.
- Борусевич К.И.* Сектанство среди ингушей // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 139–145.
- Деттмерин К.* Исламизация Ингушетии, идеология ненасилия и особая роль Батал-хаджи Белхароева // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева. Магас; СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 46–52.
- Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I. СПб.: Типография уделов, 1871.
- Казиев Э.В.* Джон Фредерик Бэддли – исследователь России // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 2. С. 15–19.
- Казиев Э.В.* Бэддли Д.Ф. О разбое и бандитизме на Северном Кавказе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2015. № 2. С. 32–36.
- Лысцева И.В.* Повседневная жизнь ссыльных горцев центрально-европейской части России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 2 (27). С. 30–43.

- Матиев А.* Великий шейх Батал-Хаджи // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева. Магас; СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 56–61.
- Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш.* Чудотворство святых в дагестанском, арабоязычном суфийском биографическом сочинении “Табакат ал-Хваджакан ан-накшбандийа ва салдат машаих ал-халидийа ал-махмудийа” Шуайба ал-Багини // Исламоведение. 2011. № 4. С. 37–43.
- Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш.* Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века // Письменные памятники Востока. 2012. № 2 (17). С. 218–232.
- Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1978.
- Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Meskhidze J.* Shaykh Batal Hajji from Surkhokhi: towards the history of Islam in Ingushetia // Central Asian Survey. 2006. Vol. 25 (1–2). P. 179–191.

Research Article

Kaziev, E.V. Sheikh Batal-Hadji Belkharoev and His Wird in Memoirs of the English Traveler and Journalist J.F. Baddeley [Sheikh Batal-Khadzhi Belkharoev i ego vird v vospominaniiakh angliiskogo puteshestvennika i zhurnalista J.F. Baddeley]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 2, pp. 89–99. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Edward Kaziev | <http://orcid.org/0000-0003-4386-248X> | kedmon@rambler.ru | Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia – Alania (46 Vatutina St., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania, 362025, Russia)

Keywords:

zkrists, village foreman, conflict, blood feud, reconciliation, redemption of blood-guilt

Abstract:

The article examines the circumstances and context of the meeting of the sheikh Batal-Hadji Belkharoev and John F. Baddeley (an English author and traveler who visited Russia at the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth centuries). Drawing on the evidences of the locals, that are presented in Baddeley’s recollections, I further discuss the relations between Batal-Hadji’s followers and other Ingoosh community members. I argue that there was a certain counterposition of the brotherhood to the rest of the community, and that the arising conflicts were considered and resolved in accordance with the traditional customary highlands law.

DOI: 10.7868/S0869541518020070

References

- Albogachiev, R.-Kh. Sh.-Kh. 2011. Kadyriiskii tarikat: put’ sluzheniia bogu i ochishcheniia cherez zikr [The Qadiri Tariqa: the way of serving God and purifying through zikr]. In *Islam v Rossii i za ee predelami: istoriia, obshchestvo, kul’tura* [Islam in Russia and beyond: History, Society, Culture.], edited by M.S.-G. Albogachieva, 165–172. Magas; St. Petersburg: MAE RAN.
- Albogachieva, M.S.-G. 2007. Ingushi v XX v.: etnograficheskie aspekty religioznykh praktik [The Ingush in the XX Century: Ethnographical Aspects of Religious Practices]. In *Severnymi Kavkaz: traditsionnoe sel’skoe obshchestvo – sotsial’nye roli, obshchestvennoe mnenie, vlastnye otноsheniia* [The North Caucasus: A Traditional Country Society – Social Roles, Public Opinion, Power Relations], edited by S.A. Shtyrkov, 75–129. St. Petersburg: Nauka.

- Albogachieva, M.S.-G. 2011a. O nekotorykh osobennostiakh bratstva Batal-Khadzhi Belkhoroeva [On Certain Peculiarities of Batal-Hadji Belkharoev's Brotherhood]. In *Radlovskii sbornik* [The Radlov Collection], edited by M.A. Rubtsova, 8–12. St. Petersburg: MAE RAN.
- Albogachieva, M.S.-G. 2011b. Khusein-Khadzhi Gardanov – avliia iz seleniia Plievo [Husein-Hadji Gardanov – awliia from Plievo village]. In *Lavrovskii sbornik: materialy XXXIV i XXXV Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii 2010–2011 gg.: etnologia, istoriia, arkhologia, kul'turologiia* [Collected Articles in Memory of Lavrov: Papers of the XXXIV and XXXV Middle-Asian and Caucasian Readings, 2010–2011: Ethnology, History, Archaeology, Culturology], edited by Y.Y. Karpov and M.E. Rezvan, 301–305. St. Petersburg: MAE RAN.
- Albogachieva, M.S.-G. 2011c. Osobennosti soversheniia zikra v Kadyriiskom tarikate na Severo-Vostochnom Kavkaze [Features of the Qadiri Tariqa Zikr Performance in the Eastern Caucasias]. In *Lavrovskii sbornik: materialy XXXIV i XXXV Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii 2010–2011 gg.: etnologia, istoriia, arkhologia, kul'turologiia* [Collected Articles in Memory of Lavrov: Papers of the XXXIV and XXXV Middle-Asian and Caucasian Readings, 2010–2011: Ethnology, History, Archaeology, Culturology], edited by Y.Y. Karpov and M.E. Rezvan, 495–500. St. Petersburg: MAE RAN.
- Albogachieva, M.S.-G. 2011d. Adepty Kunta-khadzhi Kishieva: Bamat-Girei-khadzhi Mitaev, Batal-khadzhi Belkharoev, Khusein-khadzhi Gardanov, Chim-Mirza Taumerzaev, Mani-sheikh Nazirov i Vis-khadzhi Zagiev [Adherents of Kunta-Haji Kishiev: Bamat-Girey-Haji Mitaev, Batal-Hajji Belkharoev, Husein-Haji Gardanov, Chim-Mirza Taumerzaev, Mani Sheikh Nazirov and Vis-Hajji Zagiev]. In *Islam v Rossii i za ee predelami: istoriia, obshchestvo, kul'tura* [Islam in Russia and beyond: History, Society, Culture.], edited by M.S.-G. Albogachieva, 28–36. Magas; St. Petersburg: MAE RAN.
- Akhmadov, Sh. 2002. *Chechnia i Ingushetiia v XVIII – nachale XIX veka (ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia i obshchestvenno-politicheskogo ustroistva Chechni i Ingushetii v XVIII – nachale XIX veka)* [Chechnya and Ingushetia in the 18th and the Beginning of the 19th Centuries]. Elista: Dzhangar.
- Bekova, A.I., U.B. Dudarov, F.M. Ilieva, L.D. Malsagova, and L.U. Tarieva. 2009. *Ingushsko-russkii slovar'* [The Ingush-Russian Dictionary]. Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revoliutsii 1905 g.
- Belkharoev, Ya.K. 2011. Put' pravednika [The Way of the Saint]. In *Islam v Rossii i za ee predelami: Istoriia obshchestvo, kul'tura* [Islam in Russia and beyond: History, Society, Culture], edited by M.S.-G. Albogachieva, 5–13. Magas; St. Petersburg: MAE RAN.
- Bobrovnikov, V.O., and I.L. Babich, eds. 2007. *Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii* [The North Caucasus in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Borodin, S.V. 2003. *Prestupleniia protiv zhizni* [Crimes against Life]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr-press.
- Borusevich, K. 1893. Sektantstvo sredi ingushei [Sectarianism among the Ingush]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 139–145.
- Dettmerin, K. 2011. Islamizatsiia Ingushetii, ideologiia nenasiliia i osobaia rol' Batal-khadzhi Belkharoeva [Islamization of Ingushetia, the ideology of nonviolence and the special role of Batal-Hajji Belkharoyev]. In *Islam v Rossii i za ee predelami: istoriia obshchestvo, kul'tura* [Islam in Russia and beyond: History, Society, Culture], edited by M.S.-G. Albogachieva, 46–52. Magas; St. Petersburg: MAE RAN.
- Dubrovin, N. 1871. *Istoriia voiny i vladchestva russkikh na Kavkaze* [History of the Russian War and Rule in the Caucasus]. Vol. I. Bk.I. St. Petersburg: Tipografiia udelov.
- Kaziev, E. 2014. John Frederick Baddeley – issledovatel' Rossii [John Frederick Baddeley – an Explorer of Russia]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova* (Series: Obshchestvennye nauki) 2: 15–19.
- Kaziev, E. 2015. J.F. Baddeley o razboe i banditizme na Severnom Kavkaze [Northern Caucasian Robbery and Brigandage by J.F. Baddeley]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova* (Series: Obshchestvennye nauki) 2: 32–36.
- Lystseva, I. 2015. Povsednevnaia zhizn' ssyl'nykh gortsev tsentral'no-evropeiskoi chasti Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The Everyday Life of Exiled Mountaineers in the Central European Part of Russia on the Fold of the 19th–20th Centuries]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki* 2 (27): 30–43.

- Matiev, 2011. A. Velikii sheikh Batal-Khadzhi [The Great Sheikh Batal-Haji]. In *Islam v Rossii i za ee predelami: istoriia obshchestvo, kul'tura* [Islam in Russia and beyond: History, Society, Culture], edited by M.S. – G. Albogachieva, 56–61. Magas, St. Petersburg: MAE RAN.
- Meskhidze, J. 2006. Shaykh Batal Hajji from Surkhokhi: Towards the History of Islam in Ingushetia. *Central Asian Survey* 25 (1–2): 179–191.
- Musaev, M., and Sh. Shikhaliev. 2011. Chudotvorstvo sviatykh v dagestanskom, araboiazychnom sufiiskom biograficheskom sochinenii “Tabakat al-Khvadhakan an-nakshbandiia va saldat mashaikh al-khalidiia al-makhmudiia” Shuaiba al-Bagini [Miracles of Saints in the Dagestani, Arabic-Speaking Sufi Biographical Work “Tabakat al-Khvadhakan an-nakshbandiia va saldat mashaikh al-khalidiia al-makhmudiia” by Shuaiba al-Bagini]. *Islamovedenie* 4: 37–43.
- Musaev, M., and Sh. Shikhaliev. 2012. Chudesnye deianiia sviatykh v araboiazychnykh sufiiskikh biograficheskikh sochineniiakh dagestanskikh sheikhov nachala XX veka [Saintly Miracles of the Saints in Sufi Arabic-Language Biographical Works of the Dagestanee Shaykhs from the Beginning of the 20th Century]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka* 2 (17): 218–232.
- Shnirelman, V. 2006. *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being the Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Suleimanov, A. 1978. *Toponimiia Checheno-Ingushetii* [The Toponymy of Checheno-Ingushetia]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo.